

УДК 343.98.

Р.Г. Зорин

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КРИТЕРИЕВ ДОПУСТИМОСТИ/НЕДОПУСТИМОСТИ ОБМАНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В настоящей статье рассматриваются остроугольные и небесспорные проблемы, связанные с недопустимостью обмана в уголовном процессе. Признается, что при определенных правовых условиях и основаниях обман допустим в уголовно-процессуальных правоотношениях. Исследуются границы допустимого воздействия обманного характера среди участников уголовного процесса. Определено место обмана в системе средств и способов защиты и обвинения. Определены также роль и значение обмана среди средств и способов оказания неправомерного психического воздействия. Рассматриваются проблемы дезинформирования в следственной практике.

Ряд уголовно-процессуальных действий, тактических приемов и комбинаций в отдельных случаях трактуется лицами, участвующими в уголовном процессе, как недопустимые для их использования в доказательной базе. Ошибочная трактовка отдельных тактических приемов и комбинаций, не предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законодательством, но не противоречащим ему, приводит к существенному дисбалансу соотношения частных и публичных интересов, что заметно снижает эффективность уголовного процесса. Ряд тактических приемов трактуется как проявление лжи. На самом деле реализация тактических приемов нередко преследует своей целью введение в заблуждение процессуального оппонента относительно истинных целей, задач, средств и способов. Не следует в уголовном процессе однозначно отождествлять категории лжи и обмана. Далеко не во всех случаях обман в действиях субъектов уголовного процесса влечет негативные правовые последствия. Этому есть объяснения. Деятельность субъектов, находящихся в специфической сфере уголовно-процессуальных правоотношений, осуществляется в условиях состязательности, противодействия сторон защиты и обвинения, противоречия частных и публичных интересов, в условиях межличностных конфликтов. Обман, безусловно, выступает проявлением лжи, но осуществляется в более деликатной и завуалированной форме. Обман может быть допущен добросовестными и недобросовестными субъектами уголовного процесса, а поэтому может преследовать цели и задачи деятельности, носящей и правомерный, и неправомерный характер. Он может быть облечен в процессуальную форму, а может быть допущен и в деятельности непроцессуального характера. Обман вполне может быть обнаружен в содержании процессуальной деятельности, но не получившей процессуальной фиксации. Эта деятельность может быть связана с организацией производства уголовно-процессуальных и следственных действий. Проблемы распознавания преодоления лжи и обмана в тактике следственных действий рассматривались в научных трудах В.П. Бахина, О.Я. Баева, О.М. Баева, Р.С. Белкина, Л.В. Бердовского, Н.Л. Бердовской, А.В. Дулова, Е.Л. Доценко, М.И. Еникеева, А.А. Закатова, Г.А. Зорина, В.А. Образцова, А.С. Овчинского, В.С. Овчинского, Р.К. Лотфуллина, М.П. Полякова, Н.И. Порубова, А.Н. Порубова, А.А. Протасевича, А.А. Ратинова, А.М. Столяренко, О.В. Танимова, И.В. Филимонова. Проблемы распознавания лжи и обмана в человеческих взаимоотношениях и сегодня остаются малоизученными. Криминалистическому исследованию подлежат критерии допустимости обмана, в частности, в сфере уголовно-процессуальных правоотношений.

Неоспорим факт присутствия обмана в человеческих взаимоотношениях. Уголовно-процессуальные правоотношения исключением не являются. Данное явление неизбежно и носит вполне закономерный характер. Должны быть определены специфич-

ческие признаки и свойства обмана, в силу которых усматривается добросовестность либо недобросовестность деятельности субъектов уголовно-процессуальных правоотношений с точки зрения соблюдения действующего национального законодательства. Если рассматривать формы проявления обмана вне его связей с соблюдением правовой процедуры, то можно утверждать, что субъекты уголовно-процессуальных правоотношений (добросовестные или недобросовестные) создают все условия для введения в заблуждение процессуального оппонента относительно их истинных целей, задач, средств и способов деятельности. Следует принципиально признать присутствие обмана в уголовном процессе как данность, а порой и как вполне закономерное явление. А значит, такая деятельность должна подлежать научному исследованию учеными-криминалистами, процессуалистами, психологами, философами.

По мнению профессора Р.С. Белкина, «обман ничем не может быть оправдан, если он основывается:

- на правовой неосведомленности участников процесса, на ошибочных представлениях их о правовых последствиях своих действий;
- на заведомо ложных обещаниях участникам уголовного процесса (нереальных льгот, незаконных послаблений или иных недопустимых выгод, неправомерного изменения меры пресечения на более мягкую, неосновательного изменения процессуального статуса;
- на фальсифицированных доказательствах;
- на дефектах психики и иных болезненных состояниях уголовно-процессуального оппонента.

Таким образом, обман (с соблюдением перечисленных ограничений) служит одним из средств преодоления противодействия расследованию. Допустимость обмана, даже тогда когда он представлялся единственно возможным средством преодоления оказываемого следствию противодействия, определяется, помимо названных оснований, безусловной избирательностью и недопущением опасных последствий, к которым он может привести. Такими последствиями могут быть: унижение чести и достоинства личности, признание несуществующей вины, оговор/самооговор, развитие у обвиняемого низменных чувств, побуждений. Как видно, *условия допустимости обмана весьма узки и достаточно жестки, но принципиально его следует признать допустимым*» [1, с. 107–115].

Научному исследованию подлежат причины и условия, способствующие допущению обмана в уголовно-процессуальных и следственных действиях, а также закономерности возникновения, развития, преобразования деятельности, носящей характер обмана, в том числе его негативные либо позитивные правовые последствия. Определим цели лжи и обмана со стороны недобросовестных лиц. К ним следует отнести: ограждение от привлечения к уголовной ответственности виновных лиц, оговор/самооговор, фальсификация доказательств, достижение тактических и стратегических целей с противоправной направленностью, сокрытие преступлений, сокрытие (утаивание) криминалистически значимой и уголовно-процессуальной информации для установления объективной истины по уголовным делам, другие. Мотивированием обмана в деятельности недобросовестных субъектов могут служить преследуемые ими тактические и стратегические задачи, которые достигаются, в частности, путем создания препятствий для решения задач уголовного процесса, установления объективной истины по уголовным делам и другие.

Любая деятельность, носящая тактический (состязательный) характер, ставит своей целью ввести процессуального оппонента в заблуждение относительно истинных целей и задач субъекта воздействия. Если внимательно исследовать характер и содержание реализуемых функций защиты и обвинения, то легко можно увидеть закономер-

ности в деятельности сторон, носящей характер обмана. При этом обман не должен выполнять роли лжи. Ложь от обмана можно разграничить по средствам и способам ее допущения, по субъекту воздействия, по правовым последствиям. «Ложь является преднамеренным актом. Человек, не сообщаящий истину по ошибке, не лжет. Человек, забывающий сообщить некую информацию по ошибке, не лжет. Акт, преследующий цель сформировать другого лица убеждение или понимание, которое сам лжец считает ошибочным, именуется обманом. Обман окружающих порой является неотъемлемой частью повседневных социальных взаимодействий» [2, с. 165]. Так, например, требования УПК Республики Беларусь не ставят под запрет допущение лжи и обмана подозреваемым, обвиняемым, несовершеннолетними участниками уголовного процесса, не достигшими шестнадцатилетнего возраста, которые не несут уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, как и за отказ от дачи показаний. Следовательно, ложь вышеуказанных лиц станет допустимой, а негативных правовых последствий за эти деяния действующее законодательство не предусматривает.

Одним из средств лжи и обмана в уголовном процессе является самооговор. Самооговор не влечет за собой юридической ответственности. При этом самооговор в нередких случаях служит именно средством и способом сокрытия подозреваемым либо обвиняемым иных, более тяжких преступлений. Таким образом, самооговор может выступать формой лжесвидетельства. Деятельность субъектов уголовного процесса, допускающих обман, не должна противоречить действующему национальному законодательству, но осуществляется путем создания таких условий, при которых становится возможным ошибочное восприятие целей, задач, используемых средств и способов субъектов тактического воздействия, а случится это или нет, в конечном итоге зависит исключительно от самого адресата воздействия. Тактические приемы, тактические комбинации служат введению в заблуждение процессуального оппонента относительно используемых истинных целей и задач, преследуемых субъектом воздействия. «Роль средства создания видимости демонстрируемого объекта играет не соответствующая действительности, заведомо ложная информация, передаваемая письменным и устно – речевыми способами, притворным, игровым поведением субъектов дезинформирования, сопряженным с использованием при необходимости определенных предметов, а также информация, носителями и источниками которой служат искусственные изменения, привнесенные в окружающую материальную среду» [3, с. 15]. Криминалистическая деятельность, носящая тактический характер, не должна быть основана на шантаже и угрозах, на неосведомленности процессуальных участников в вопросах уголовного права и процесса, не должна способствовать оговору/самооговору. Обман в деятельности компетентных должностных лиц, ведущих уголовный процесс, допустим, если он тактически обоснован и соответствует вышеуказанным требованиям. О тактическом дезинформировании В.А. Бертовский, Н.Л. Бертовская, В.А. Образцов пишут: «Обязательными атрибутами тактического дезинформирования являются следующие обстоятельства:

- моральная, ситуационная, постановочно-игровая составляющая реализация вербальной/невербальной активности;
- способность создаваемого дезинформационного продукта оказывать психологическое воздействие на адресатов и вводить их в заблуждение относительно истинного положения вещей;
- целенаправленности активности субъектов, действующих в соответствии с разработанным на основе легенды планом-сценарием.

К принципам тактического дезинформирования следует относить:

- обоснованность (наличие достаточных данных, дающих основание для принятия решения о необходимости осуществления дезинформационной акции);

- прямое отношение к задачам, которые решаются в связи с борьбой с преступностью;
- предметность и целенаправленность действий субъектов дезинформаторов, нацеленных на собирание, проверку конструктивное использование уголовно-релевантной информации для розыска преступника, решения задач, связанных с выявлением, раскрытием пресечением, предотвращением преступлений;
- ситуационная обусловленность характера и содержания дезинформационной активности, ее адекватность особенностям ситуации» [3, с. 137].

Обман в деятельности подозреваемого, обвиняемого будет тактически обоснован, если служит целям и задачам функции защиты и не противоречит действующему национальному законодательству. При этом ни компетентные должностные лица, ведущие уголовный процесс, ни защитник не вправе сообщать заведомо ложную информацию участникам уголовно-процессуальных правоотношений. К сожалению, данное положение не нашло своего места в нормах действующего законодательства. Свидетель не вправе лгать, он предупреждается об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, но в случаях, предусмотренных действующим законодательством, обман становится допустимым, если он (свидетель) отказывается от дачи показаний в отношении своих родных и близких. В данном случае он скрывает информацию, имеющую существенное значение для уголовного дела.

Определим средства, способы допущения и распознавания лжи, обмана в уголовном судопроизводстве. Разновидностью обмана, по мнению ряда правоведов, является фикция в праве, или юридическая фикция. Среди ученых-правоведов в настоящее время нет единства мнений в части определения фикции в праве, юридической фикции, их классификации. Юридическая природа фикции в праве также носит проблемный характер. Проблемами фикции в праве занимались такие ученые, как Л.В. Бертовский, Л.В. Бертовская, О.А. Курсова, В.А. Кучинский, Р.К. Лотфуллин, В.А. Образцов, К.К. Панько, А.И. Ситникова, О.В. Танимов, И.В. Филимонова. «Содержанием юридической фикции является заведомо ложное положение. Ложь этого положения состоит в том, что оно признает существующими явления (обстоятельства), которые не существуют в действительности, или, наоборот, признает несуществующими явления (обстоятельства), которые реально существуют. Этому положению присуща очевидность (заведомость), то есть противоречие юридической фикции окружающей действительности настолько очевидно, что это никого не может ввести в заблуждение. Общеобязательность юридической фикции условно ставит это ложное положение в ранг истины» [4, с. 64]. В.А. Образцов, Л.В. Бертовский, Н.Л. Бертовская, рассматривают фикцию как «явление, имманентное составу виртуального (мнимого) преступления, как явление, имманентное составу реального преступления, а также и как иное противоправное явление, как элемент преступления (как способ подготовки/сокрытия преступления). Классификация фикций как реальных явлений, связанных с человеческой деятельностью, лежащей за пределами юриспруденции, может быть осуществлена по признаку их правового статуса:

- фикция, не имеющая юридического значения;
- фикция юридически значимая;
- фикция как юридическая конструкция;
- фикция как реальное явление» [3, с. 29].

Рассмотрим причины и формы внешнего выражения обмана в зависимости от направленности деятельности субъектов уголовного процесса, содержащей его признаки и свойства. Обман в сфере уголовно-процессуальных правоотношений может выступать в форме действий/бездействий, может проявляться в ожидаемых процессуальным оппонентом намерениях и результатах предстоящей деятельности субъектов доказывания. Вместе с тем эти формы, как уже было указано выше, не должны содержать

сообщений субъектами уголовно-процессуальных правоотношений заведомо ложной информации. «Информационное воздействие связано с активным применением таких приемов, как коммуникативный саботаж, замещение субъекта действия, генерализация, расширение обобщений, неявное указание как бы общепринятой формы, маскировка под пресуппозиции (неявные допущения), умножение имен, действий, ситуаций, ложная аналогия, тематическое переключение» [5, с. 32].

Средства и способы допущения, распознавания лжи и обмана находятся в прямой зависимости от криминалистической, уголовно-процессуальной и психологической направленности деятельности. В криминалистической деятельности следует выделить такие недопустимые средства и способы допущения лжи и обмана: а) фальсификация доказательств; б) использование ненадлежащей, в том числе устаревшей, методики производства следственных действий; в) использование ненадлежащих смысловых значений тех или иных правовых категорий; г) производство следственных действий при использовании неосведомленности субъектов в вопросах уголовного права и процесса.

Недопустимыми средствами и способами допущения лжи и обмана в деятельности уголовно-процессуальной направленности являются: а) дача ложных показаний в содержании следственных действий; б) вовлечение в сферу уголовно-процессуальных правоотношений ненадлежащих, недобросовестных участников уголовного процесса; в) использование ненадлежащих источников доказательств, а также ненадлежащих способов получения фиксации доказательственной информации; г) ненадлежащая процедура производства следственных действий; д) участие профессиональных участников уголовного процесса, подлежащих отводу, и другие.

В деятельности психологической направленности недопустимым можно считать: а) использование психологических знаний в процессе введения в заблуждение личности в уголовном процессе; б) использование уловок (софизмов) в споре; в) оказание неправомерного психического воздействия; г) установление психологического контакта путем злоупотребления доверием процессуального оппонента в целях получения тактических преимуществ и отстаивания личных незаконных прав и интересов; д) манипулятивное воздействие на личность путем прямого/косвенного внушения, а также путем воздействия на психические процессы личности, приводящие к снижению волевого критерия в поведении субъекта уголовного процесса, и другие.

«Манипуляция есть вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [6, с. 59]. «Общим признаком наличия манипулятивных попыток, по-видимому, являются нарушения баланса тех или иных переменных взаимодействия, к которым относятся дисбаланс распределения ответственности, стереотипизация поведения адресата воздействия, дефицит времени, отпущенного на принятие решения, состояние суженности сознания, изменение фоновых состояний, неконгруэнтность в поведении субъектов и другие» [6, с. 219]. «Контакт нацелен на формирование психологического пространства взаимодействия. Любое событие, происходящее в этом пространстве, кем-то из коммуникаторов инициируется специфическим образом, организуется, направляется и контролируется» [5, с. 30].

Сообщение заведомо ложной информации, к сожалению, на практике нередко встречается в показаниях и объяснениях недобросовестных подозреваемых, обвиняемых и иных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений, когда это связано с выбором и использованием ненадлежащих средств и способов доказывания, а также иных форм недобросовестного процессуального участия субъектов уголовного процесса, например, несовершеннолетних, не достигших шестнадцатилетнего возраста.

Сообщение заведомо ложной информации компетентными должностными лицами, ведущими уголовный процесс, в том числе защитником, является недопустимым.

Имеет ли защитник право на ложь и обман? О.М. Баев утверждает, что «нет никаких малейших сомнений в том, что сам адвокат ни в коем случае не должен побуждать или провоцировать своего подзащитного на занятие недобросовестной линии своей защиты. Именно с такой оговоркой должны быть интерпретированы применительно к тактической деятельности защитника рассматриваемые этические положения» [7, с. 185]. Вместе с тем адвокат отстаивает законные права и интересы в том числе недобросовестных подозреваемых или обвиняемых, которые в отдельных случаях используют ненадлежащие средства и способы защиты. В своей деятельности адвокат все-таки будет допускать обман, если это служит интересам его подзащитного, интересам функции защиты. Довольно затруднительно порой определить истинный источник происхождения используемых ненадлежащих средств и способов защиты по субъекту их реализации. Трудно определить, от кого именно исходила инициатива реализации тех или иных средств и способов защиты: от защитника или от подзащитного. Сторона защиты (защитник) вправе избирать и использовать тактические приемы и тактические комбинации, способствующие введению в заблуждение процессуального оппонента с противоречащими интересами, целями и задачами, действуя в специфических условиях противодействия, состязательности. Так, Е.А. Зайцева справедливо утверждает, что «сущность состязательности более глубинная, чем противостояние функций защиты и обвинения в процессе. В основе состязательности лежит не антагонизм носителей основных противостоящих функций в уголовном процессе, а полярность интересов различных участников уголовно-процессуальной деятельности. Противостояние этих интересов и есть движущая внутренняя сила состязательности» [8, с. 29]. «Участники уголовного судопроизводства, формально являясь носителями одной процессуальной функции, могут иметь диаметрально противоположные интересы. Следовательно, для реализации подлинной состязательности (противостояния интересов различных участников процесса) необходимо установить реальный паритет в правах этих участников при доказывании значимых по делу обстоятельств, чтобы они могли в равных условиях отстаивать свои процессуальные интересы» [8, с. 36].

Следует различать противодействие как деятельность неправомерного характера, соответственно, противодействие предварительному расследованию и противодействие необоснованному обвинению. Так, противодействие со стороны защиты уголовному преследованию в случае предъявления необоснованного обвинения является правомерным и закономерным. При этом избираемые средства и способы защиты должны быть законными. Вместе с тем следует отметить, что непрофессиональные субъекты уголовно-процессуальных отношений не сдержаны ограничениями правового характера при осуществлении ими деятельности, содержащей признаки лжи и обмана, если это не касается фактов допущения существенных уголовно-процессуальных нарушений и преступлений. Складывающиеся между субъектами уголовного процесса отношения пронизывают все его стадии и этапы, которые в тех или иных случаях носят уголовно-процессуальный либо непроцессуальный характер. Субъекты уголовно-процессуальных отношений могут разрешать между собой различные вопросы, имеющие значение для уголовного дела. Это может касаться проблем разрешения гражданского иска в уголовном процессе. Безусловно, воздействие, оказываемое ими друг на друга, не должно носить характер угроз и шантажа, иначе, не должно иметь характер неправомерного психического воздействия на личность.

Всякое общение, вербальное или невербальное, есть воздействие на личность партнера по общению. Следовательно, всякое психическое воздействие следует признавать единицей общения. «Влияние есть изменение состояния, поведения, личностно-смысловых образований партнера, в т.ч. его намерений, решений, готовности, настроения, представлений, потребностей, действий, активности, переживаний, оценок и пр.»

[9, с. 30]. Анализируя процесс общения, стоит определить компоненты, структурные элементы контакта, а также диагностировать правовую и психологическую природу воздействия, то есть установить характер и правовое происхождение психического воздействия. Стоит определить роль, значение, а также соотношение таких явлений, как обман и психическое воздействие. Предлагается определение правомерного психического воздействия в уголовном процессе в следующей редакции: «...Это непротиворечащее действующему законодательству всякое воздействие на личность субъекта уголовно-процессуальных правоотношений, осознанно, критически, вне всякого насилия, выраженного в форме действия-бездействия, при котором сохраняется свобода выбора занимаемой активной позиции последним» [10, с. 27]. Понятно, что «обман является психическим воздействием на личность. Однако само по себе правомерное психическое воздействие не является ни целью, ни задачей общения. Оно выступает проводником между субъектом воздействия и его адресатом. Вне зависимости от того, является психическое воздействие правомерным или нет, оно может быть осознанным/неосознанным, явным/латентным. Обман становится целью оказания психического воздействия, то есть посредством его использования. Подчеркивается, что и правомерное психическое воздействие может стать обманным и, таким образом, выступить способом введения в заблуждение адресата воздействия относительно его же собственных целей и задач» [11, с. 51–52].

Негативные и позитивные правовые последствия могут наступать в зависимости от использования средств и способов доказывания. Следует отметить, что обман в действиях участников уголовного процесса в отдельных случаях влечет не только *негативные*, но и *позитивные* правовые последствия. К *негативным* последствиям следует отнести:

- 1) несоблюдение законных прав и интересов личности и государства в уголовном процессе;
- 2) допущение ошибок (организационных, криминалистических, уголовно-процессуальных, психологических);
- 3) допущение уголовно-процессуальных нарушений, в том числе существенных;
- 4) негативное влияние на процесс принятия промежуточных и итоговых процессуальных решений и в целом на ход и исход уголовного процесса;
- 5) деструктивное воздействие со стороны заинтересованных лиц на процесс формирования доказательств и их источников;
- 6) негативное влияние на внутреннее убеждение субъектов доказывания, а также негативное влияние со стороны заинтересованных и недобросовестных лиц, влекущих искажение представлений субъектов уголовного процесса об истинных событиях, исследуемых по уголовным делам;
- 7) негативное влияние на процесс достижения целей и задач уголовного процесса;
- 8) возникновение препятствий в механизме реализации гражданского иска.

К *позитивным* правовым последствиям следует отнести получение тактических, стратегических преимуществ при условии выполнения (действий/бездействий) деятельности, не противоречащей действующему национальному законодательству.

Совершенно очевидно, что искусно осуществляемая деятельность сторон обвинения и защиты по искусственному созданию (ложных) целей, задач, направлений деятельности является эффективным средством и способом противодействия процессуальному оппоненту. Иначе говоря, данная тактическая деятельность обеспечивает неверное (ошибочное) представление процессуальным оппонентом истинных целей, задач, направлений деятельности стороны защиты/обвинения. Подобная деятельность может носить как явный, так и латентный характер. Следует признать, что обман в деятельности сторон защиты и обвинения может присутствовать в той или иной степени на всех этапах делопроизводства: от стадии возбуждения и предварительного расследования до

уголовного процесса в целях опережения процессуального оппонента в деятельности, носящей тактический характер.

Следует ли отождествлять процесс применения тактического приема, тактической комбинации с использованием обмана? С одной стороны, тактический прием направлен на то, чтобы осуществить криминалистическую, уголовно-процессуальную деятельность в виде действий/бездействий в целях опережения оппонента, получения выигрыша в занимаемой позиции, обретения тактических и стратегических преимуществ. Как известно, в тактической состязательной деятельности без хитрости не обойтись, иначе она (деятельность) теряет свой тактический характер. Однако не всякий тактический прием таит хитрость и обман. Например, ряд тактических приемов, получивших законодательную регламентацию, в силу которых орган уголовного преследования обязан разъяснить права и обязанности участнику уголовного процесса, в том числе право на защиту, не содержит и не должен содержать обман. В ряде случаев содержание тактического приема, как и сам факт его применения, может нести в себе скрытое начало, например, оглашение ложных потенциальных целей, задач, содержания, средств, способов реализации функций защиты и обвинения. Результаты распознавания, восприятия такого приема адресатом воздействия полностью возлагается на ответственность последнего. Вовсе не обязательно для реализации обмана осуществлять вербальное общение. Для этого достаточно выполнить целенаправленную деятельность, подпадающую под требования, предъявляемые к производству тактического приема. В этих случаях деятельность обманного характера станет вполне допустимой и правомерной. При этом является исключительно важным определить пределы допустимости обмана в деятельности сторон защиты и обвинения. Понятно, что в уголовно-процессуальном законе невозможно закрепить самую возможность обмана в качестве нормы права. Однако и без его использования невозможно тактическая деятельность в условиях состязательности и противодействия сторон защиты и обвинения, а также иных субъектов с противоречащими интересами. Исследование указанных закономерностей позволит определить и границы правомерности/неправомерности тактической деятельности.

Ложь и обман в отдельных случаях могут исходить и в благих целях. Распознавание обмана процессуального оппонента в его правомерной деятельности, раскрытие ее правовых условий и оснований позволит также определить тактические и стратегические цели и задачи процессуального оппонента. В усмотрениях органа уголовного преследования в отдельных случаях тоже кроется обман, например, в виде оглашения намерений, принятия того или иного процессуального решения с абсолютно или относительно определенными целями, задачами, содержанием, средствами способами ее осуществления. «В результате орган уголовного преследования принимает только часть из тех, которые ранее были оглашены в намерениях, либо принимаются и реализуются процессуальные решения с совершенно иными целями, задачами, содержанием, либо орган уголовного преследования воздерживается от их принятия. В данном случае играет роль эффект ожидания, как и эффект неполучения ожидаемого результата, либо получения нежелаемого результата процессуальным оппонентом. Упрекнуть в обмане, если это не противоречит действующему национальному законодательству, ни сторону защиты, ни сторону обвинения, невозможно» [11, с. 52].

Одним из эффективных способов обмана является получение/предоставление сторонами защиты или обвинения в процессе доказывания избыточной информации. Избыточность информации имеет как отрицательные, так и положительные стороны. Избыточность снижает степень полноты и достоверности. Почвой для возникновения обмана может послужить и неопределенность как состояние, как субъективное начало в мыследеятельности процессуального оппонента. «В теории информации применяется понятие ситуации с неопределенностью. Неопределенность может быть присуща

как знаниям об объекте, так и самому этому объекту. Если сообщение не снижает неопределенности, следовательно, в нем не содержится информации. Чем шире возможность выбора, тем неопределеннее его исход» [12, с. 23]. Например, укреплению позиции защиты будет способствовать предоставление процессуальному оппоненту информации, неверная интерпретация которой ведет к определению ошибочных направлений дальнейшей его деятельности. Всякая информация, объективно возникающая и передаваемая от субъекта к субъекту, всегда несет в себе субъективное начало, что, в свою очередь, является одним из латентных механизмов воздействия на личность, на ситуацию в целом. В сфере уголовно-процессуальных правоотношений в отдельных случаях взаимодействие между субъектами носит манипулятивный характер. «Манипуляция представляет собой узел, в котором сплелись важнейшие проблемы психологии воздействия: преобразование информации, наличие силовой борьбы, проблема истина/ложь и тайное/явное, динамика перемещения ответственности, изменения баланса интересов и другие» [6, с. 8]. Как уже было отмечено выше, избыточность информации имеет как отрицательные, так и положительные стороны. В литературе есть понятие холостой (бесполезной) и полезной избыточности. Избыточность снижает степень полноты и достоверности, и в этом случае она бесполезна. Но избыточность может быть использована для пополнения массивов информации, она может работать на будущее, а также для исправления искажений и ошибок. С такой точки зрения она полезна. На практике приходится сталкиваться и с той, и с другой стороной избыточности [12, с. 32].

«Диагностика обмана в уголовном судопроизводстве включает в себя следующий алгоритм действий:

- установление и распознавание содержания и направленности процессуального действия/бездействия субъектов;
- установление субъектов инициатора и адресата воздействия;
- установление, выявление в деятельности сторон защиты и обвинения фактов допущения уголовно-процессуальных нарушений, в том числе существенных;
- установление, выявление в деятельности субъектов ошибок (криминалистического, процессуального, психологического, организационного характера);
- установление круга заинтересованных добросовестных/недобросовестных лиц;
- установление мотивации, намерений, желаний субъекта реализации деятельности с содержанием лжи и обмана;
- установление средств и способов защиты и обвинения в процессе реализации деятельности обманного характера;
- установление, выявление негативных обстоятельств в содержании деятельности сторон защиты и обвинения в условиях состязательности, противодействия, другие» [13, с. 68].

Обман в деятельности сторон защиты и обвинения играет существенную роль при условии соблюдения требований допустимости применения тактических приемов. Поэтому следует придать особое внимание изучению обмана, его роли и значения в системе тактических средств и способов в уголовно-процессуальных правоотношениях. Таким образом, можно утверждать, что обман допустим и правомерен в уголовном судопроизводстве, если обратное не предусмотрено действующим уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. Конечно, право на обман не должно и не может выполнять роль нормы уголовно-процессуального закона Республики Беларусь, но как закономерное явление его следует принципиально признать и подвергнуть уголовно-процессуальному, криминалистическому исследованию, включая его негативные и позитивные правовые последствия, а также условия распознавания обмана. Следовательно, необходимо разработать криминалистические, уголовно-процессуальные, психологические средства и способы реагирования и нейтрализации

негативных правовых последствий лжи и обмана. Обман в сфере уголовно-процессуальных правоотношений следует признать как явление допустимое и вполне закономерное. Следует учесть, что при определенных условиях в зависимости от мотивации, средств и способов реализации он влечет за собой наступление как негативных, так и позитивных правовых последствий. Правовой характер последствий деятельности, носящей обманный характер, зависит от субъекта, средств, способов и мотивации ее осуществления. Необходимо разработать средства и способы распознавания лжи и обмана и исследовать закономерности их возникновения, развития, преобразования. Следует различать обман в деятельности добросовестных/недобросовестных субъектов уголовно-процессуальных отношений, которая может или должна повлечь за собой наступление позитивных либо негативных правовых последствий. Средства и способы распознавания обмана зависят от направленности и содержания уголовно-процессуальной, криминалистической, психологической деятельности.

Несоблюдение требований, предъявляемых к реализации тактических приемов, является одной из причин происхождения лжи в уголовном процессе. Вместе с тем реализация научно обоснованных криминалистических рекомендаций, тактических приемов служит одним из объяснений закономерностей происхождения обмана в криминалистической тактике в сфере уголовно-процессуальных правоотношений.

Процессуальная регламентация статуса подозреваемого, обвиняемого и несовершеннолетних субъектов, не достигших шестнадцатилетнего возраста, предполагает возможность дачи последними ложных показаний и отказа от дачи показаний. Это является свидетельством допустимости лжи и обмана в деятельности заинтересованных лиц. Необходимым условием состязательности выступает использование средств и способов в целях введения процессуального оппонента в заблуждение относительно истинных тактических стратегических задач, преследуемых сторонами на том или ином этапе предварительного расследования. Неверная и недобросовестная интерпретация выступает причиной возникновения лжи и обмана. Одной из эффективных форм обмана является получение/предоставление сторонами в процессе доказывания избыточной информации. Избыточность информации имеет как отрицательные, так и положительные стороны. Избыточность снижает степень полноты и достоверности. Таким образом, следует признать, что при определенных правовых условиях ложь и обман в уголовно-процессуальных правоотношениях следует признать допустимыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М., 2001. – 240 с.
2. Олдерт, Ф. Детекция лжи и обмана / Ф. Олдерт. – СПб., 2005. – 320с.
3. Образцов, В.А. Дезинформирование в криминальной оперативно-розыскной и следственной практике / А.В. Образцов, Л.В. Бертовский, Н.Л. Бертовская. – М. : Юрлитинформ, 2010.– 240 с.
4. Лотфуллин, Р.К. Юридические фикции в гражданском праве / Р.К. Лотфуллин. – М. : Юрист, 2006. – 213 с.
5. Каландаров, К.Х. Управление общественным сознанием. Роль коммуникативных процессов / К.Х. Каландаров. – М., 1998. – 80 с.
6. Доценко, Е.Л. Психология манипуляции: феномен, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – М., 2000. – 344 с.
7. Баев, О.М. Система критериев этической допустимости деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве / О.М. Баев // Вести Воронежского государственного ун-та. – 2005. – Вып. 1. – С. 177 – 192.

8. Зайцева, Е.А. Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве : монография / Е.А. Зайцева. – Волгоград : ВА МВД России, 2006. – 192 с.

9. Зарайский, Д.А. Управление чужим поведением. Технология личного психологического влияния / Д.А. Зарайский. – Дубна : Издат. центр «Феникс», 1997. – 272 с.

10. Зорин, Р.Г. Криминалистическая характеристика тактического (психического) воздействия в системе следственных действий / Р.Г. Зорин // Юридическая психология. – 2008. – № 8. – С. 27–28.

11. Зорин, Р.Г. О допустимости обмана сторонами защиты и обвинения в условиях состязательности в уголовном судопроизводстве / Р.Г. Зорин // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рожд. профессора, доктора юрид. наук Ю.Д. Лившица, Челябинск, 2–3 апр. 2009 г. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2009. – С. 51–54.

12. Овчинский, С.С. Оперативно-розыскная информация. Теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскной и профилактической деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступностью / С.С. Овчинский; под ред. А.С. Овчинского, В.С. Овчинского. – М. : Инфра-М, 2000. – 367 с.

13. Зорин, Р.Г. Обман как правомерное/неправомерное психическое воздействие в состязательном уголовном судопроизводстве, в системе следственных действий и как форма противодействия в деятельности сторон обвинения и защиты / Р.Г. Зорин, В.П. Крамаренко // Использование современных информационных технологий и проблемы информационной безопасности в деятельности правоохранительных органов: сб. науч. статей. – Калининград : Калининград. юрид. ин-т МВД России 2011. – С. 59–67.

Zorin R.G. The Definition of Criteria of Deceit Admissibility/Inadmissibility in Criminal Legal Procedure

In the present article the acute-angled and not indisputable problems connected with deceit inadmissibility in criminal trial are considered. It is recognized that under certain legal conditions and the bases the deceit is admissible in criminally remedial law relations. The borders of admissible influence of deceptive character among participants of criminal trial are investigated. The deceit place in the system of means and ways of protection and charge is defined. The role and value of deceit among means and ways of rendering legal/illegal mental influence are also defined. The problems of misinforming in investigatory practice are considered.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 22.09.2011